

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. На плантациях сахарного тростника	3
<i>Глава 1.</i> Ротуэлл встречается доктора Реддинга.	8
<i>Глава 2.</i> Граф де Валиньи устраивает у себя карточную игру	28
<i>Глава 3.</i> Лорд Ротуэлл получает весьма заманчивое предложение	52
<i>Глава 4.</i> Прогулка в саду	100
<i>Глава 5.</i> Лорд Нэш устраивает прием в честь помолвки	133
<i>Глава 6.</i> Ротуэлл вкушает супружеское блаженство . .	168
<i>Глава 7.</i> Робкая надежда	182
<i>Глава 8.</i> Ротуэлл получает совет, который он меньше всего хотел услышать.	215
<i>Глава 9.</i> Заговор молчания	224
<i>Глава 10.</i> Чин-Чин отправляется в Сити	238
<i>Глава 11.</i> В которой лорд Ротуэлл обедает на свежем воздухе.	260
<i>Глава 12.</i> Тучи стущаются.	289
<i>Глава 13.</i> Леди Ротуэлл твердо стоит на своем	318
<i>Глава 14.</i> На сцене появляется доктор Хислоп.	333
<i>Глава 15.</i> Снова на «Таттерсоллз»	355
<i>Глава 16.</i> День рождения	373
Эпилог.	378

*Филу и Роско,
активному дуэту,
посвящается эта книга*

Пролог

НА ПЛАНТАЦИЯХ САХАРНОГО ТРОСТНИКА

Жаркое солнце Вест-Индии немилосердно поливало огнем покрытые нежной зеленью поля, будто вознамерившись испепелить все живое на земле. Разбросанные тут и там белоснежные, с кружевными галереями дома плантаторов на фоне буйной растительности сверкали в его лучах, словно бесценные жемчужины, рассыпанные чьей-то щедрой рукой по зеленому шелку. Внутри любого из этих чудесных домов с их широкими коридорами царил прохладный сумрак, ставни на окнах были открыты, чтобы дать доступ слабому ветерку, а маленькие невольники без устали приводили в движение веера, и те трепетали под потолком, словно крылья каких-то исполлинских диковинных птиц.

Эта страна была невероятно щедра к своим обитателям; дивный, волшебный край, где золото буквально можно было выжимать из земли, где его капля за каплей выдавливали скрежещущие челюсти мельниц, где даже пот, выступавший на телах мужчин и женщин, работавших на плантациях сахарного тростника, имел привкус денег. Это был край сахарных баронов и богатых судовладельцев. Далекий колониальный форпост, куда не доставала рука короля, он давно уже жил по своим собственным законам. 3

Однако помимо английских леди, привыкших спастись от солнца в домах и нежившихся на своих диванах, и несчастных рабов, которые, невзирая на палящий зной, усердно трудились на плантациях, на этой благословенной земле жили и другие люди. Истосковавшиеся по родине моряки, которым не суждено было уже вернуться домой. Слуги, бывшие некогда свободными людьми, со временем волею обстоятельств превратившиеся в рабов. Портовые шлюхи, уличные воришки и попрошайки, бездомные дети-сироты, безгласные и незаметные, словно тени.

...Этот мир богатства и нищеты, ленивого ничегонеделания и тяжелой работы до кровавого пота был неожиданно нарушен. Двое мальчишек стремглав бежали вдоль узких рядов зеленого сахарного тростника, не замечая того, что острые, словно лезвия бритвы, листья его режут им руки и лицо, — оба запыхались и жадно хватали воздух пересохшими губами.

— Сюда! — Тот, что повыше, хлопнул второго по плечу. — Гляди, начинается болото. Уж там он нас ни в жисть не поймает!

Повернувшись, они бросились бежать вдоль края плантации, отчаянно работая худенькими локтями. Младший из мальчиков поднырнул под низко нависшую ветку дерева и стрелой понесся вперед.

Внезапно чей-то пьяный рев разорвал повисшую над плантацией сонную тишину. Знойное марево вздрогнуло, и дядюшка, топая, словно разъяренный бык, вырвался им наперерез, топча и ломая хрупкие стебли. Мальчишки обернулись и робко подались назад. Но из гуши сахарного тростника выскользнул костлявый негр, отрезав им путь к отступлению, — лицо его было бесстрастным, точно маска, только в глубине глаз пряталось что-то

4   похожее на жалость.

— Ага, попались, маленькие ублюдки! Ну, теперь держитесь! — прорычал дядюшка, направляясь к ним твердой походкой, что было удивительным для человека, в чьих жилах вместо крови тек ром.

Младший из мальчиков испуганно всхлипнул, старший, закусив губу, молчал.

Дядюшка остановился, его глубоко посаженные, похожие на свиные глазки сузились, превратившись в две щелки. Глядя на обоих мальчишек, он игриво взмахнул хлыстом для верховой езды.

— А ну, Одиссей, давай-ка мне вон того, младшего! — скомандовал он, утирая струйку слюны, тянущуюся из угла рта. — Я отучу этого поганца дерзить мне!

Долговязый негр шагнул вперед, протянул было руку к малышу и внезапно заколебался.

В воздухе свистнул хлыст, раздался крик — и на костлявом лице цвета эбенового дерева вспухла кровавая полоса.

— Клянись богом, ты схватишь этого маленького оборванца, стянешь с него рубашонку и будешь держать его, Одиссей, — и держать крепко! Иначе получишь сорок ударов кнутом, слышишь? А потом я велю швырнуть тебя в подземную тюрьму, где у тебя будет неделя на то, чтобы раскаяться в собственной глупости!

Его слова сделали свое дело — схватив малыша, Одиссей вытолкнул его вперед.

Увидев это, старший из мальчиков решительно заслонил его собой.

— Он не дерзил, сэр, — плачущим голосом пробормотал мальчуган. — Он... он не делал ничего такого. Ни словечка не проронил. Сэр, ему ведь всего восемь лет! Прошу вас... пожалуйста!

Ухмыльнувшись, дядюшка наклонился к нему, обдав мальчика запахом перегара.

— Всегда торопишься выгородить его, да, маленький кусок дерьма? — просипел он. — Ну, если уж ты такой чертовски благородный, можешь подставить свою задницу вместо его, я не возражаю! А ну, Одиссей, задери-ка ему рубашку!

Старший из мальчиков испуганно отшатнулся, но стоявший позади негр успел перехватить его.

— С-сэр... — вытаращив глаза, пробормотал он, — я... я только хотел объяснить. Ни один из нас не пытался надерзить вам. М-мы... мы ни словечка не сказали... клянусь вам! И мы вовсе не пытались передразнивать вас! Это все павлин! Это же он закричал, сэр, разве вы не помните?

Но Одиссей, не слушая его возражений, уже стягивал ветхую рубашонку через его голову. Мальчишка извивался ужом, но все было напрасно. Младший из мальчиков испуганно прижал кулачки к губам — упав на землю, он сжался в комок и затрясся в беззвучных рыданиях.

В темных глазах мальчика заблестели слезы. Одиссей, содрав с него рубашку, швырнул ее в раскисшую под ногами грязь, потом заломил ему руки вверх, не давая шевельнуться. Щуплые плечи мальчишки выгнулись, словно крылья цапли.

— Ну, маленькие убудки, клянусь, вы будете проклинать этот день до конца своей жизни, — отвратительно ухмыляясь, прорычал дядюшка, поглаживая хлыст, словно в предвкушении развлечения. — Да-да, я имею в виду тот день, когда вы сошли с корабля, чтобы издеваться надо мной!

Старший из мальчиков покосился через плечо.

— Прошу вас, сэр, — взмолился он. — отошлите нас обратно! Мы уедем. Даю вам слово, вы больше нас

6 не увидите!

В ответ тот только хрипло расхохотался и взмахнул хлыстом. По окровавленному лицу Одиссея пробежала судорога. Он молча отвернулся.

Хлыст со свистом рассек воздух, и посыпались удары, размеренные и оттого еще более безжалостные. Малыш, заткнув уши и закрыв глаза, старался не слышать криков старшего брата... омерзительного звука разрываемой хлыстом кожи. А пока длилась эта пытка, жаркое солнце все так же заливало обжигающими лучами землю, поднялся легкий ветерок, и богачи в своих белоснежных особняках, подставляя истомленные жарой тела опахалам, приказывали слугам принести им холодного лимонада. Здесь, на островах, Господь Бог пребывал в своем собственном раю, и все шло своим чередом, как и должно было быть.

Когда малыш осмелился снова открыть глаза, Одиссей уже осторожно перекинул его брата через плечо и широкими шагами направился к дому, бесшумно ступая по мягкой земле, на которой рос сахарный тростник. Дрожа от страха, мальчик боязливо покосился на дядюшку.

И опрометью бросился бежать.

Глава 1

РОТУЭЛЛ ВСТРЕЧАЕТ ДОКТОРА РЕДДИНГА

В октябре в Лондоне обычно царят сырость и промозглый холод. Костлявые ветки деревьев на площадях зябко дрожат на ветру, а немногие уцелевшие листья, вместо того чтобы живописно кружиться в воздухе, липнут к мостовой или цепляются к кованым железным оградкам, образуя возле них неопрятные коричневатые вороха.

Слушая, как колеса кареты с легким шорохом разбрызгивают воду, Ротуэлл сунул в рот тонкую черуту* и, попыхивая ею, невидящим взглядом уставился на проносившийся за окном тротуар. В это время дня город выглядел опустевшим — только иногда за стеклом мелькали чернильные пятна зонтиков, когда припозднившийся клерк или слуга пробежал мимо, спеша куда-то по своим делам. Ни одного знакомого лица, подумал барон. Впрочем, и неудивительно, усмехнулся он про себя, — он ведь почти никого не знал в Лондоне.

Дождавшись, когда экипаж свернет на угол Кавендиш-сквер и Харли-стрит, он постучал в потолок бронзовой рукояткой дорожной трости, приказывая кучеру остановиться.

---

* Черута — манильская сигара, сорт сигар с обрезанным концом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Возвращайтесь на Беркли-сквер. — В густом тумане звучный, низкий голос барона напоминал раскаты приближающегося грома. — Я вернусь домой пешком, как только покончу с делами.

Кучер почтительно тронул сложенным вдвое кнутом шляпу, хлестнул лошадей, и карета покатила прочь.

Стоя на краю тротуара, барон молча размышлял. Уж не свалил ли он дурака, явившись сюда? Возможно, его нетерпеливый нрав сыграл с ним дурную шутку, думал он, неторопливо шагая вверх по Харли-стрит. Да, возможно, все дело в этом. А в результате его ждет впереди еще одна бессонная ночь.

Накануне он вернулся домой из клуба «Сатир», когда небо на горизонте только-только начало сереть, — в тот предрассветный час, когда все вокруг кажется призрачным. Приняв ванну и неприязненно покосившись в сторону накрытого к завтраку стола, он скривился, изо всех сил стараясь прогнать подступившую к горлу тошноту, после чего уселся в карету и отправился в Доклендс, в контору компании, принадлежащей их семье, с единственным желанием убедиться самолично, что в отсутствие сестры все идет как надо. Однако визиты в «Невилл шиппинг» неизменно приводили барона в дурное расположение духа — главным образом потому, что он — как он сам постоянно твердил — не желал иметь с проклятой компанией ничего общего. Так что он будет только счастлив сдать дела сестре, повторял Ротуэлл, и сделает это, как только Ксантии и ее новоявленному супругу надоест шляться по свету — пусть только объявятся, как он мигом переложит эту тяжкую ношу со своих на ее плечи, а дальше пусть делает с компанией, что ей заблагорассудится!

Однако мрачное расположение духа, в котором пребывал барон, не имело никакого отношения

к его нынешним заботам, и в самой глубине сердца он отлично это понимал.

Вскоре он оказался на углу Девоншир-стрит и понял, что его путешествие подошло к концу. Ему и в голову не пришло спрашивать у кого-то дорогу — не хватало еще отвечать на вопросы, которые неизбежно последуют.

И хотя Ротуэлл пробыл в Лондоне всего несколько месяцев, ему уже было хорошо известно, что Харли-стрит, где он находился, мало-помалу становится местом обитания самых модных и процветающих из числа современных Гиппократов.

В глаза ему бросилась латунная табличка с надписью: «Джеймс Дж. Реддинг, доктор медицины».

Что ж, сойдет и этот, решил он.

Он поднялся по мраморным ступеням и постучал, и через мгновение дверь приоткрылась: на пороге стояла круглолицая служанка в опрятном сером платье. Ей пришлось запрокинуть голову — так он был высок, — а потом глаза ее удивленно распахнулись. Видимо сообразив, что имеет дело со знатной особой, горничная поспешно распахнула дверь и низко присела, после чего бросилась принимать у барона пальто и шляпу.

Ротуэлл протянул ей визитную карточку.

— Я бы хотел видеть доктора Реддинга, — невозмутимо заявил он с таким видом, будто произносить подобную фразу было ему не в диковинку.

Похоже, девушка умела читать. Бросив взгляд на визитку, она снова присела в реверансе, не поднимая глаз.

— Доктор ожидает вас, милорд?

— Нет! — рявкнул он. — Но дело не терпит отлагательства.

— М-может быть, вас устроит, если доктор зайдет к вам домой? — робко предложила она.

В ответ Ротуэлл награбил девушку испепеляющим взглядом.

— Ни в коем случае, — процедил он. — Об этом не может быть и речи. Надеюсь, это понятно?

— Да, милорд. — Слегка побледнев, девушка сглотнула. — Извините, милорд, но в настоящий момент доктора нет дома. Он поехал к пациентам с визитами, — вежливо объяснила она. — Вероятно, он вернется чуть позже.

К такому повороту событий Ротуэлл был не готов. Он давно уже привык всегда получать все, что он хочет, причем немедленно. Должно быть, это было написано у него на лице, потому что девушка поспешно добавила:

— Возможно, вы предпочитаете подождать, милорд? Тогда я подам вам чай.

Но чай его не интересовал. Охваченный раздражением, Ротуэлл сорвал шляпу с вешалки и повернулся к двери. С него хватит, решил он.

— Может быть, что-нибудь передать? — Девушка с нерешительным видом протянула ему пальто. — Возможно, вы заглянете еще раз... завтра утром?

Ротуэлл почувствовал непреодолимое желание бежать отсюда как можно скорее. Вероятно, кто-то сочтет терзающие его страхи глупыми — пусть так, он будет и дальше бороться с ними в одиночку.

— Нет, благодарю вас, — буркнул он, открыв дверь. — Только не завтра. Как-нибудь в другой раз.

Он так торопился поскорее уйти, что не заметил высокого худощавого мужчину, как раз в этот момент поднимавшегося по ступенькам, и в результате едва не сшиб его с ног.

— Добрый день, — проговорил незнакомец, отодвинувшись в сторону и вежливо приподняв шляпу. — Я доктор Реддинг. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?